

ЭЛЕМЕНТЫ СТОИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ГОМИЛИЯХ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА О СТАТУЯХ

*Ирина Леонидовна ХЛЫНОВА,
сотрудник ПСТГУ*

Доклад на III Богословской научной конференции
«Экзегетика и герменевтика Священного Писания»,
посвященной 1600-летию преставления свт. Иоанна Златоуста

Московская православная духовная академия
Сергиев Посад, 29–30 ноября 2007 года

Электронная версия доклада (в авторской редакции)
Размещена на сайте Кафедры библеистики МДА (www.bible-mda.ru)

Иоанн Златоуст в системе античной культуры

Традиционный взгляд на Златоуста — это взгляд из будущего, из системы византийско-русской культуры, у истоков которой он стоял. Этот взгляд дает нам образ, во многом сформированный сознанием, сложившимся в рамках новой культуры.

Златоуст действительно жил на грани двух эпох. Но кажущаяся разорванность этих эпох — скорее продукт несовершенства гносеологических возможностей историко-филологических дисциплин нового времени, чем объективный исторический факт.

Чтобы понять, насколько это возможно, исторический, жизненный феномен наиболее полно и объективно, следует взглянуть на него и с другой стороны — с точки зрения его места в системе античной культуры.

Такой взгляд предполагает определение места творчества Златоуста в античных категориях. С этой точки зрения нужно говорить о Златоусте — ораторе, представителе направления второй софистики¹. Первые представители этого направления — такие ораторы, как Герод Аттик, Полемон, Аристид, но начало свое она ведет от Диона Хризостома, удивительным образом совместившего в своей жизни деятельность практикующего публичного оратора, философа-киника и общественного деятеля, ходатайствующего перед императором за интересы полиса. Уже в деятельности Диона проявилась та черта, которая для последующих представителей второй софистики оказалась недостижимым идеалом: органичное соедине-

¹ *Гаспаров М.Л.* Греческая и римская литература II – III вв н.э. // История всемирной литературы / АН СССР; ИМЛИ им. А.М. Горького. Т. 1. М.: Наука, 1983. С. 485-501. С. 489: «Философия и риторика начинают сближаться и взаимопроникать. Риторика обращается к традиционным философским темам... Философы, в свою очередь, ... начинают украшать свои поучения блесками антитез, параллелизмов и созвучий. ... В историю это умственное движение II – III вв. н.э. вошло под названием второй софистики».

ние философии и риторики. В дальнейшем ораторы этого направления избирали для себя или философскую, или риторическую ориентацию и соответственно становились софистами-риторами или софистами-философами. Общественная деятельность тоже стала неотъемлемой частью практики софиста. Софисты выступали перед императорами в защиту городов, в самих городах им оказывался почет подобный тому, который оказывался наместникам провинций². Популярный ритор становился как бы неофициальным представителем полиса перед императором и императорской власти в полисе. Все эти направления можно легко обнаружить и в деятельности Златоуста. Особенно ярко они проявились в ходе восстания в Антиохии, явившегося результатом конфликта между полисной и имперской организацией власти, в ходе которого и Златоусту и Либанию³ пришлось мобилизовать все силы для нормализации обстановки в городе. При этом их действия находились вполне в рамках сложившихся в позднеантичном полисе отношений ратора и народа. Именно поэтому гомилии «о статуях», возникшие непосредственно в ходе этой борьбы, позволяют лучше понять характер деятельности Златоуста — народного вождя, оратора, философа и проповедника.

В данном докладе мы оставим в стороне такие особенности риторики Златоуста, как стиль, построение речи, использование риторических фигур, но попытаемся проанализировать философское содержание его проповеди, т.е. тот аспект его деятельности, который соответствует философской составляющей в практике позднеантичного оратора — представителя направления второй софистики. Причем философскую составляющую проповеди Златоуста мы будем рассматривать только с точки зрения присутствия в ней элементов стои, оставляя в стороне такие возможные направления анализа, как определение влияния эпикурейских и кинических взглядов на его проповедь. Безусловно, материал для такого рода исследований в гомилиях Златоуста есть, но такая задача не может быть решена в рамках небольшого доклада.

Стоическую ориентацию мысли Златоуста констатировал Эммануэль Аманд де Мендьета в статье⁴, написанной на материале позднего трактата «*Quod nemo laeditur nisi a se ipso*» (*Patrologiae cursus completus. Series graeca*⁵. — Parisiis, 1857 — 1866. Vol. 52, col.459-480) = «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может» (Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста: в двенадцати томах. — Москва: «Православная книга»; «Златоуст»; «Святитель Иоанн Зла-

² Ibid., passim.

³ Либаний (315 - ок. 391) — выдающийся языческий оратор аттицизирующего направления, ориентировавшийся особенно на Демосфена, речи которого комментировал. Происходил из влиятельной антиохийской семьи и принимал участие в политической жизни. См. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Т. 2. М.: «Олма-пресс», 2001. С. 273-274; Курбатов Г.Л. Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1991. С. 58: «... Ливаний... вырисовывается как несомненный общественно-политический деятель, в какой-то мере «практик» политической борьбы». О деятельности Либания в ходе антиохийского восстания см. там же, с. 90-91.

⁴ *Amand de Mendieta E. L'amplification d'un thème socratique et stoïcien dans l'avant-dernier traité de Jean Chrysostome // Byzantion. Tome XXXVI (1966), fasc. 1. P. 353-381.*

⁵ Далее — PG.

тоуст»; «Радонеж», 1991 — 2004⁶. Т.3, кн.2, с.475-496)⁷ и Эдвард Новак в монографии об отношении христианина к страданию согласно взглядам Златоуста⁸, написанной в основном на материале поздних (константинопольского периода) произведений Златоуста⁹. В статье о Златоусте из *Reallexikon für Antike und Christentum*, написанной Рудольфом Брэнгле¹⁰, дана краткая сводка чисто формальных признаков, по которым можно выявить меру знакомства Златоуста с философией Стои и ее влияния на мировоззрение Златоуста. Наконец в монографии Мишеля Спанно о стоицизме у святых отцов анализируется влияние этого философского течения на мировоззрение святых отцов раннего времени (от Климента Римского до Климента Александрийского). Златоуст, к сожалению не входит в поле зрения этого автора, но вывод о значительном влиянии стоицизма на мировоззрение святых отцов, взгляды которых проанализированы в книге¹¹, влияния, может быть, даже неосознанном самими этими отцами, дает основание для постановки вопроса о подобном влиянии стоицизма и на мировоззрение Златоуста.

Сначала мы попытаемся сформулировать для себя основные положения стоического направления философской мысли, затем рассмотрим, какие из этих положений были отмечены в сочинениях Златоуста исследователями, и потом посмотрим, насколько материал Бесед о статуях соответствует сделанным исследователями выводам, насколько и в чем эти выводы могут быть скорректированы по тексту бесед.

Основные положения античной стои

Стоя — материалистическая философия, рассматривающая природу как совершенно разумное начало. Все проявления природы могут быть объяснены рационально, т.е. посредством *ratio*, логоса. Логос есть тончайшая материя — огненная пневма, пронизающая весь мир и каждого человека. Философия стои монистическая: кроме Логоса другого действующего первоначала нет¹².

Логика стои исходит из принципиальной познаваемости мира и сочетает сенсуалистический способ восприятия и рационалистический метод построения теорий.

Физика исходит из имманентности разумного начала материальной природе, полной взаимозависимости всех вещей в мире и неотвратимости действия причинно-следственных связей, т.е. закона судьбы.

⁶ Далее — ПСТ.

⁷ Переиздан в *Sources chrétiennes* 103: *Lettre d'exil à Olympias et à tous les fidèles* / éd. A.-M. Malin-gre. P.: Cerf, 1964.

⁸ *Nowak E.* *Le chrétien devant la souffrance: étude sur la pensée de Jean Chrysostome.* Paris: Beauchesne, 1972.

⁹ См. *ibid.*, p. 5-6.

¹⁰ *Brändle R.* *Johannes Chrysostomus I // Reallexikon für Antike und Christentum.* Bd. 18, lief. 139/140. SS. 457-458.

¹¹ *Spanneut M.* *Le stoïcisme des pères de l'Église: du Clément de Rome à Clément d'Alexandrie.* P., 1957. P. 434.

¹² *Kleine Pauly: Lexikon der Antike in fünf Bänden.* Bd. 5. München, 1979. S. 377.

В основе этики стоицизма лежит положение о том, что человек должен познавать свою судьбу и следовать ей. Истинное благо — это добродетель¹³, и поэтому все, что содействует ей, признается хорошим, противоположное — плохим, а не имеющее отношения к ней — безразличным.

Человек, наделенный разумной, но смертной душой, входит в сообщество разумных существ — людей и богов, ради которого существует мир.

В древней стое (Хрисипп) логика получила преимущественное развитие, в средней (Панеций, Посидоний) — физика, в поздней (главным образом у Эпиктета, но также у Марка Аврелия и — в теории, полностью оторванной от практики — у Сенеки) — этика¹⁴.

Современные исследователи о стоицизме Златоуста

Современные исследователи обратились к изучению проблемы влияния эллинистической мысли мировоззрение Златоуста.

Сначала был поднят вопрос об эллинизме Златоуста вообще (исследования Негеле¹⁵, Эме Пюша¹⁶). Пюш утверждал, что эллинистическое влияние для Златоуста осталось чисто формальным. Формальное влияние эллинизма на Златоуста исследовалось в дальнейшем в смысле изучения его стилистики¹⁷ а глубокое влияние эллинизма на мировоззрение Златоуста надолго выпало из поля зрения исследователей.

В 1966 г. в журнале *Byzantion* вышла статья **Эммануэля Аманд де Мендьета**, в которой рассматривается одна из центральных тем сократической этики, а именно что «никто не может навредить человеку, если он сам себе не вредит». Этой теме у Златоуста посвящен трактат, написанный в поздние годы изгнания и вышедший в критическом издании *Sources Chrètiennes* в 1964 году¹⁸. Автор показывает, как в развитии этой темы Златоуст повторяет ход мысли стоиков и высказывает идеи совершенно сходные с теми, которые до него высказывали стоики. Первая часть статьи посвящена изложению содержания трактата с особым вниманием к тем высказываниям, которые имеют стоические параллели. Вторая часть

¹³ Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2005. С.351: «Развитие человека, достигшее совершенства, есть добродетель, а жизнь согласная с природой, — добродетельная жизнь».

¹⁴ См. там же, с. 337: «... успеху Хрисиппа... содействовали искусно практиковавшиеся им логические методы...»; с. 360: «В отличие от старых стоиков Панеция привлекают все явления физической природы и весь человек»; с. 370: «..больше, чем Сенека, усилил этическую сторону стоицизма...Эпиктет».

¹⁵ Nägele A. Johannes Chrysostomus und sein Verhältnis zum Hellenismus // *Byzantinische Zeitschrift*, 13, 1904. SS. 73-113. Цит. по: *Amand de Mendieta E.* Op.cit., p. 381.

¹⁶ Puech, Aimé. Histoire de la littérature grecque chrétienne. Tome III: le IVe siècle. — Paris: Belles Lettres, 1930. Цит. по: *Amand de Mendieta E.* Op.cit., p. 379.

¹⁷ Ameringer T.E. The Stylistic Influence of the Second Sophistic on the Panegyric Sermons of St. John Chrysostom: A Study in Greek Rhetoric. Washington: Catholic University of America, 1921; Burns M.A. Saint John Chrysostom's Homilies on the Statues: A Study of their Rhetorical Quality and Form. Washington: Catholic University of America, 1930 и др.

¹⁸ SC 103.

представляет собой выборки из Платона¹⁹, Хрисиппа и Эпиктета, представляющие собой параллели к изложенным в первой части идеям Златоуста.

На стр. 371 Аманд де Мендьета резюмирует развитую в исследуемом трактате стоическую доктрину Златоуста:

1. Мудрец не претерпевает подлинного ущерба, наносимого его добродетели, пока он сохраняет моральную целостность и не уступает внешней несправедливости.

2. Если мудрец претерпевает ущерб, то только от себя самого, т.к. он уступил несправедливости, потерял моральную целостность из-за малодушия и греховной небрежности, и, собственно, перестал быть мудрецом.

3. Настоящий мудрец, претерпевая несправедливость, не только не терпит ущерба, но получает моральную пользу.

4. Неразумный и несправедливый человек, обижая мудреца, наносит реальный вред себе.

Итак, разбирая конкретную тему, Аманд де Мендьета констатирует наличие следующих положений стои в этике Златоуста:

1) Утверждение о том, что истинное благо человека есть знание истинного учения и правильное поведение в жизни (р. 361-362).

2) мудрец не может претерпеть подлинного ущерба (р. 371).

В 1972 году вышла книга французского исследователя **Эдварда Новак**, посвященная анализу значения понятия страдания в христианском мировоззрении на примере творчества Златоуста.

Проблема страдания изучается в книге в трех аспектах: философском, богословском и моральном. Философский аспект рассматривается в первой главе, названной «Отыскание причин страдания»; вторая глава — «Человеческое страдание и таинственная реальность Бога» — представляет богословский аспект страдания в его отношении к божественной реальности и к Христу. В третьей главе рассмотрен моральный аспект страдания — его оценка с точки зрения того, является ли человек грешником, или праведником.

В конце первой главы Новак резюмирует философскую концепцию страдания у Златоуста (р. 82-83):

Первый вопрос — это природа зла. Подступить к его разрешению можно только отвергнув ложные представления. Три источника ответа на вопрос о происхождении зла — манихейский, философский и христианский (имеются в виду христиане из народа, а не христиане-философы). Манихейский ответ предполагает, что источник зла — это злое начало и его порождение — природа. Этот ответ не может всерьез восприниматься христианином, поскольку здесь оказывается нару-

¹⁹ В знакомстве Златоуста с «Апологией Сократа» и «Горгием» Э. Аманд де Мендьета закономерно видит его обращение к сократическому учению, а параллели с «Государством», как мы полагаем, вряд ли могут служить аргументом в пользу стоической ориентации мысли Златоуста, но только еще раз подтверждают тот факт, что Златоуст получил весьма основательное классическое образование.

шен монотеизм (злое начало обожествляется). Философский ответ в форме фатализма ведет к уничтожению человеческой свободы и человеческой активности. Некоторые неправильные варианты ответа имеют христианское происхождение: что источник зла — это или Бог или демон. В качестве правильного Иоанн предлагает ответ, согласно которому сам человек порождает зло посредством своего добровольного и сознательного выбора (*προαίρεσις*). Из плана онтологического Иоанн переносит анализ зла в моральный план, рассматривая его как качественную характеристику действия: является действие злым или добрым в соответствии со своей моральной ценностью (р. 82). Следовательно, человек отвечает за свое действие и является виновником зла. Иоанн не обсуждает прямо вопроса о природе зла, но, отрицая его онтологическую сущность, он скорее придерживается перипатетического взгляда на зло как умаление добра.

Второй вопрос — о страдании. Его источник также локализуется в человеке и конкретно — в его интеллектуальной части, которая проявляется в мнении, суждении, мысли. Важный элемент учения Златоуста — утверждение о существовании действительного зла и мнимого зла, а также что нужно различать вещи хорошие, плохие и безразличные. Хорошие — это добродетели, составляющие моральную ценность, плохие — пороки. Оставшиеся — это вещи безразличные. Среди них выделяются те, которые согласно общему взгляду причиняют человеку страдание. Это результат ошибочного мнения. Исправление ошибочного мнения одновременно избавляет человека от необоснованного страдания. Страдание может иметь место только из-за «плохих вещей», т.е. таких, которые наносят ущерб моральной ценности человека. Поэтому претерпевание несправедливости не приносит страданий, но нанесение несправедливости другому заставляет страдать обидчика. Для христианина-философа, озабоченного моральной ценностью, все остальное безразлично (р. 83).

Два общих положения стоической и Златоустовской концепции следующие:

1) Подчеркивание значение разума в проблеме страдания. В основании страдания — интеллектуальный элемент, и исцеляется страдание посредством вмешательства разума, который дает человеку знание подлинной ценности «хороших» или «плохих» вещей. Цельность и свобода разума должна быть защищена от чувственности или страстности.

2) Стремление перенести вопрос в моральный план. Критерий разделения вещей — моральный, высшее благо это моральное благо, единственное зло, которого следует бояться, это моральное зло. Безразличные вещи становятся хорошими или плохими в зависимости от характера их использования (р. 86).

В конце главы автор делает вывод о том, что концепция страдания у Златоуста, с точки зрения ее философского аспекта, является стоической, причем Иоанн не развивает собственной теории, а заимствует ее уже в разработанном стоиками виде.

Итак, рассмотренные в исследовании Новак элементы отраженного в мировоззрении Златоуста стоического учения, будучи расположены в традиционной последовательности (логика, физика, этика) могут быть суммированы в следующем виде:

В области логики — положение о том, что страсти являются помехой познанию, осуществляемому посредством разума²⁰.

В физике — утверждение последовательного монизма, результатом которого оказывается перенесение вопроса о существовании зла из онтологического в моральный план.

В этике повторяется известная стоическая классификация вещей на полезные, вредные и нейтральные, в основе которой лежит моральный критерий; поднимается вопрос о свободе воли человека и его ответственности за нравственный выбор; а также возникает понятие о стоическом мудреце, знающем истинную цену вещам и потому избавленном от страданий.

В статье **Рудольфа Брендле** о Иоанне Златоусте из *Reallexikon für Antike und Christentum* приводятся следующие данные, свидетельствующие о знакомстве Златоуста с учением стои:

1. Упоминание Зенона среди тех, кто пытался ввести среди эллинов новое учение: «Против иудеев. Восемь слов»²¹, гл. 5, 3.

В отрывке упомянуты также Сократ, Диагор²², Пифагор и Платон:

...ἀναλόγισαι πόσοι δόγματα ἠβουλήθησαν εἰσαγαγεῖν παρ' Ἑλλήσι, καὶ πολιτείαν ἐνστήσασθαι ξένην, οἷον Ζήνων, Πλάτων, Σωκράτης, Διαγόρας, Πυθαγόρας, καὶ ἕτεροι μύριοι. (PG 48, col. 886, l. 28-31).	«... подумай, сколь многие хотели ввести между эллинами (новое) учение, и установить новый образ жизни, как-то: Зенон, Платон, Сократ, Диагор, Пифагор и весьма многие другие» (ПСТ 1, 2, с. 695).
---	--

2. Еще одно упоминание о Диогене, Аристотеле, Зеноне и Платоне, но в чисто негативном ключе, однако не в связи с их философскими взглядами, а с приписываемым им образом жизни, который получает крайне негативную оценку — в «Слове о блаженном Вавиле...»²³ (См. *Sources Chrétiennes*²⁴ № 362, р. 152; ПСТ 2, 2, стр. 588).

²⁰ См. *Nowak E.* Op.cit., p. 65: «...Целостность суждения подвергается опасности со стороны страстей...».

²¹ *Adversus Judaeos. Orationes 1-8* (PG 48: 843-942) = Против иудеев. Восемь слов (ПСТ. Т.1, кн.2, с. 645-759).

²² Диагор по прозвищу ἄθεος, атомист и последователь Демокрита (сер. V в. до н.э.). См. *Любкер Ф.* Ук.соч. Т. 1. С. 435.

²³ *De Babyla contra Julianum et gentiles* (PG 50: 533-572) = Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам (ПСТ. Т.2, кн.2, с. 573-617).

²⁴ Далее — SC.

3. Среди позднейших стоиков Иоанн упоминает Эпиктета, Сенеку и Марка Аврелия. В «Беседах на деяния апостольские»²⁵ (ПСТ 9, 1) Иоанн цитирует эпиграмму на Эпиктета в подтверждение идеи о том, что бедность способствует нравственному преуспеянию человека:

...Δοῦλος μὲν Ἐπίκτητος, σῶμα «... Эпиктет — раб, по телу уве-
ἀνάπηρος· πενίην Ἰρος, καὶ φίλος чен, по бедности Ир, но друг
ἀθανάτων... (PG 60, col. 11, l. 30-31). бессмертных...» (ПСТ 9, 1, стк. 131).

Таким образом, Брендле приводит несколько мест, где просто поименованы известные фигуры древней и новой стои. Однако это не более, чем просто упоминания. О знакомстве со стоей не по наслышке, а по текстам в первой части статьи Брендле данных нет, как нет и данных о его особой симпатии к стое. Видимо, данные о знакомстве со стоей и о симпатии к ней надо вычитывать из самих текстов Златоуста, а не искать прямых ссылок на персоналии, что Брендле и делает во второй части статьи, где он переходит к вопросу о конкретном влиянии стои на мировоззрение Златоуста. Он пишет, что «Иоанн во многих отношениях был обязан стоической философии, особенно в ее поздних формах». В подтверждение этого он говорит о социальной этике: со стоей Иоанн разделяет убеждение в том, что только мудрец свободен, а худший человек является рабом²⁶ («Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам»: SC 362, p. 130):

... μόνος δοῦλός ἔστιν ὁ τὴν ἀμαρτίαν «...раб только тот, кто совершает
ποιῶν... (PG, p. 541, в конце). грех...» (ПСТ 2, 2, стр. 582 снизу).

Для описания некоторого преобразования понятий, выработанных стоей, Брендле вводит понятие модификации. Например, стоический идеал атараксии модифицирован у Златоуста в понятие метриопатии.

У Эпиктета атараксия предполагает полную свободу от страстей:

... οὐ γὰρ μικρὸν τὸ τηρούμενον, ἀλλ' «Не незначительно ведь обере-
αἰδῶς καὶ πίστις καὶ εὐστάθεια, ἀπάθεια, гаемое: это совесть, честность, стой-
ἀλυπία, ἀφοβία, ἀταραξία, ἀπλῶς ἐλευθερία... кость, неподвластность страстям,
(Epictetus. Dissertationes... Book 4, chapter неподвластность печалям, непод-
3, section 7, l. 1 — section 8, l. 2)²⁷. властность страхам, невозмути-
мость, словом, свобода»²⁸.

²⁵ In Acta apostolorum homiliae 1-55 (PG 60, col. 13-384) = Беседы на деяния апостольские. Беседы I - LV (ПСТ. Т.9, кн.1, passim).

²⁶ Мы, однако, полагаем, что такие высказывания характеризуют не конкретно социальную этику Златоуста, а его этическое учение вообще, т.к. под рабством и свободой здесь подразумеваются чисто моральные рабство и свобода.

²⁷ Epictetus. The Discourses as reported by Arrian, the Manuel and Fragments. In 2 Vol. / With an Engl. transl. by W.A. Oldfather. Vol. 2. - Cambridge; London, 1978. P. 310.

²⁸ Беседы Эпиктета / пер. с древнегреч. и прим. Г.А. Тароняна. Предисл. Г.А. Кошеленко и Л.П.

В гомилиях Златоуста на святого Матфея евангелиста страсти уже допускаются, в чем и заключается модификация.

Ὁὐ γὰρ πάντα τὸ πρῶγμα ἀνεῖλε·
πρῶτον μὲν, ὅτι οὐκ ἔστιν ἄνθρωπον ὄντα
παθῶν ἀπηλλάχθαι· ἀλλὰ κρατεῖν μὲν
δυνατὸν, ἐκτὸς δὲ αὐτῶν παντελῶς εἶναι
ἀμήχανον· ἔπειτα, ὅτι καὶ χρήσιμον τοῦτι
τὸ (PG 57, col. 248, l. 12-15).

«...Этими словами Он не устраняет гнев совершенно: во-первых, потому, что человек не может быть свободен от страстей; он может сдерживать их, но совершенно не иметь их не властен...» (ПСТ 7, 1, стр. 180)

Точно так же, как замечает Брендле, для Златоуста было важно стоическое понятие *προαίρεσις* и понятие *κατόρθωμα*.

У Эпиктета, как пишет Брендле, *κατόρθωμα* — это процесс исправления ошибки:

Πᾶν ἀμάρτημα μάχην περιέχει. ἐπεὶ γὰρ
ὁ ἀμαρτάνων οὐ θέλει ἀμαρτάνειν, ἀλλὰ
κατορθῶσαι... (Epictetus. Dissertationes...
Book 2, chapter 26, section 1, l. 1 - l. 2.)²⁹.

«Всякая ошибка содержит противоречие. Ведь поскольку ошибающийся не ошибаться хочет, а поступить правильно...»³⁰.

У Златоуста понятие *κατόρθωμα* эволюционирует к обозначению состояния того человека, который уже исправил свои ошибки:

Ἄλλ' ὅμως πρὸς τοσοῦτον ὕψος
κατορθωμάτων ἀνελθῶν, οὐδὲ οὕτως ἐθάρρει,
ἀλλ' ἐναγώνιος ἦν καὶ περιδεής· (Joannes
Chrysostomus. Ad populum antiochenum
homiliae 21. Homilia prima. PG 49, col. 20,
l 31-32).

«...но чем больше преисполнялся бесчисленных заслуг, тем более боялся и трепетал...» (ПСТ 2, 1, стр. 10).

Значение слова перешло от понятия «процесс исправления ошибки» к понятию «исправленный», т.е. имеющий уже некоторые достоинства, заслуги.

Итак, в статье Брендле говорится о знакомстве Златоуста с учением стои; о зависимости его от учения поздней стои в области социальной этики; а также о модификации некоторых понятий стоического учения: понятия атараксии (бесстрастия) в метриопатию (умеренность в страстях), понятия *κατόρθωμα* от значения исправления ошибки к значению состояния исправленности.

Маринович. М.: Ладомир, 1997. С. 234.

²⁹ Epictetus. The Discourses as reported by Arrian, the Manuel and Fragments. In 2 Vol. / With an Engl. transl. by W.A. Oldfather. Vol. 1. - Cambridge; Harvard, 1979. P. 430-432.

³⁰ Беседы Эпиктета. М.: Ладомир, 1997, с.151.

Элементы стоической философии в Гомилиях о статуях

Изучаемые нами гомилии принадлежат к жанру совещательных (политических) речей³¹, поскольку основная задача, стоявшая перед ним — убедить³² слушателей придерживаться определенной линии поведения и прийти к нравственному исправлению. Постепенно, по мере нормализации обстановки в городе, эта совещательная заостренность речей падает и значение экзегетической части гомилий возрастает, но во всех гомилиях этого цикла совещательная часть остается основной и именно она определяет жанр гомилий.

В современной литературе неоднозначно определяется состав гомилий, входящих в этот цикл³³. В данной работе мы придерживаемся традиционного взгляда на состав цикла, выраженный в предисловии к изданию гомилий в патрологии Миня, и в то же время избегаем обращения к данным тех гомилий, которые могут с какой-то точки зрения оказаться искусственно включенными в цикл.

Гомилии о статуях были произнесены в связи с народным восстанием в Антиохии против необоснованного увеличения государственного налогообложения. Над городом нависла угроза репрессий, граждане в страхе прятались по домам или покидали город. Народ утешали и успокаивали два авторитетнейших в городе человека — оратор и профессор риторики Либаний и священник Иоанн, соответственно Либаний обращался к языческой части населения, а Иоанн — к христианской³⁴. В число его слушателей в связи с экстремальностью обстановки попали также и только номинальные христиане, которые продолжали жить традиционными для позднеантичного общества понятиями и ценностями и не стремились к глубокому усвоению христианского учения. Для большинства антиохийских христиан, язык традиционной эллинской учености тоже не был чужд: они выросли в античном полисе, каковым являлась Антиохия, прошли античную систему образования и воспитания³⁵, и само усвоение христианского учения затруднялось для них принадлежностью к иной, не библейской, а античной культуре. Система ценностей у них изменилась, стала христианской, но они продолжали мыслить античными понятиями.

Поэтому, обращаясь к ним, Иоанн стремился говорить на понятном для них языке, объясняя христианское учение в понятиях античной философии.

³¹ Античная теория красноречия различала три его разновидности: торжественное, совещательное (т.е. политическое) и судебное. См. *Гаспаров М.Л.* Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1974. С. 18.

³² *Габарь-Пассек Е.М., Гаспаров М.Л.* Эллинистическая литература III – II вв. до н.э. // История всемирной литературы. Т. 1. С. 397 – 422. С. 418: «Политическая речь стремилась ... убедить слушателя, торжественная речь – понравиться слушателю».

³³ См. основные работы по этому вопросу: *Van de Paverd F.* St. John Chrysostom, the Homilies on the Statues: an Introduction. Roma: Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1991; *Valevicius A.* Les 24 homélies De statuis de Jean Chrysostome: Recherches nouvelles // *Revue des études augustinienes*. Paris, 2000. № 46. P. 83-91.

³⁴ См. *Курбатов Г.Л.* Ук.соч., с. 80, 91 – о деятельности Либания во время восстания; с 119-120 – о деятельности Златоуста.

³⁵ За исключением подобных Иоанну христиан во втором поколении, которые кроме этого получили христианское воспитание дома.

Философия и философы в Гомолиях о статуях

Прежде, чем обратиться к анализу влияния стои на проповедь Златоуста, попытаемся уяснить себе вопрос о его отношении к философии вообще и, следовательно, о мере осознанности восприятия им стоического учения. В исследовании А.-М. Малингрей об употреблении слова φιλοσοφία и однокоренных слов в греческой литературе³⁶ особая глава посвящена исследованию их употребления в произведениях Златоуста.

Материал изучаемых нами гомолий тоже дает возможность рассмотреть использование этих слов у Златоуста, дать характеристику его отношения к философии и определить смысл, который вкладывается им в это понятие. Приведем подборку высказываний из Гомолий, в которых встречается это слово и слова однокоренные с ним. Эти высказывания можно разделить на несколько групп в соответствии с выраженным в них отношением к философии.

- 1) Первая категория высказываний — о философии в положительном смысле.
 - а) Философия как обозначение христианского учения.

Τοσοῦτόν ἐστὶν ἡ παρὰ τοῦ Χριστοῦ
τοῖς ἀνθρώποις εἰσενεχθεῖσα φιλοσοφία
(PG 49, 174, 35 - 37).

Таково любомудрие, введенное
Христом между людьми (Беседа XVII.
ПСТ т. 2, кн. 1. С. 195).

В этом изречении философия обозначает просто учение Христа.

Ποῦ γὰρ ἐτέρωθι ταῦτα ἀκούσῃ ἄπερ
ἐνταῦθα φιλοσοφεῖς; (PG 49, col. 111, 50
- 51).

... в каком другом месте ты услы-
шишь то, о чем любомудрствуешь
здесь? (Беседа X. ПСТ т. 2, кн.1. С. 121).

Т.е. церковь есть место любомудрия.

... τὸν ἄρχοντα τοῦτον θαυμάσαι
ὑμῶν τὴν μεγαλοψυχίαν, τὴν φιλοσοφίαν...
(PG 49, col. 166, l. 20 - 21).

...надлежало бы и этому начальни-
ку подивиться вашему великодушию,
любомудрию... (Беседа XVI. ПСТ т. 2,
кн. 1. С. 185 а).

Т.е. быть христианином, значит быть философом.

... εἰσελθόντες πολλῆς ἐφθέγγαντο
φιλοσοφίας ῥήματα... (PG 49, col. 174, l.
59 - 60)

«Иноки, вошедши... произносили
весьма мудрые слова...» (Беседа XVII.
ПСТ т. 2, кн. 1.С 195).

Конкретно: «слова философии» отождествляются с мудростью вообще и христианской мудростью в частности.

³⁶ Malingrey A.-M. "Philosophia": Étude d'un groupe de mots dans la littérature grecque, des Présocratiques au IVe siècle après J.-C. P., 1961.

b) Φιλοσοφία как высшее проявление человека.

Τὸ γὰρ εὐτελὲς τῆς οὐσίας τοῦτο μάλιστα δείκνυσι τῆς τέχνης τὸ εὐπορον καὶ εὐμήχανον, ὅτι ἐν πηλῶ καὶ τέφρᾳ τοσαύτην ἐνέθηκεν ἁρμονίαν, καὶ τοιαύτας αἰσθήσεις οὕτω ποικίλας καὶ παντοδαπὰς καὶ τοιαῦτα δυναμένας φιλοσοφεῖν. (PG 49, col. 122, l. 32 - 36).

...несовершенство вещества особенно и показывает великость и совершенство искусства Того, Кто праху и пеплу сообщил такую гармонию и такие чувства, столь различные и разнообразные, способные так Любомудрствовать! (Беседа XI. ПСТ т. 2, кн. 1. С. 133).

Отсюда понятно, почему христианство может быть названо философией: потому что оно есть высшее проявление человеческого духа.

Заметим, кстати, что перевод ПСТ «любомудрие», «любомудрствовать» представляется нам неточным. Переводить словом «философия» было бы точнее³⁷.

2) Ο φιλοσοφίᾳ в отрицательном смысле.

По поводу иноков, пришедших с гор, чтобы вступиться за подсудимых, и философов, покинувших город в трудную минуту:

Ταῦτα καὶ πρὸς Ἑλληνας λέγωμεν, ὅταν τολμῶσιν ὑπὲρ φιλοσόφων ἡμῖν διαλέγεσθαι. Ἀπὸ τῶν νῦν εὐδηλον, ὅτι καὶ τὰ πρότερα ἦν ψευδῆ τὰ παρ' ἐκείνοις· ἀπὸ τούτων δῆλον, ὅτι καὶ τὰ πρότερα ἦν ἀληθῆ τὰ παρ' ἡμῖν... (PG 49, col. 175, l. 20-23).

«Это будем говорить и язычникам, когда они осмелятся рассуждать с нами о [своих]³⁸ философах. Из настоящего (поведения философов) видно, что и прежнее у них было ложно; а из этого (любомудрия иноков) ясно, что все прежнее у нас было истинно...» (Беседа XVII. ПСТ т. 2, кн. 1. С. 195-196).

О тех же философах, уточняя их принадлежность к определенному направлению, но с риторическим преувеличением:

Ποῦ νῦν εἰσὶν οἱ τοὺς τρίβωνας ἀναβεβλημένοι, καὶ βαθὺ γένειον

«Где теперь те, которые одеваются в плащи, выставляют на показ

³⁷ Закрепившийся в отечественной переводческой традиции термин «любомудрие» создает у не обращающегося к греческому тексту читателя впечатление о принципиальном (даже на терминологическом уровне) отличии христианской философии (называемой «любомудрие») от внешней - светской или языческой - философии, для которой используется слово «философия». Это разделение недавнего происхождения и возникло в результате определенным образом сложившихся переводческих традиций, но в оригинальных текстах оно основания не имеет.

³⁸ Мы внесли в текст перевода квадратные скобки, поскольку в греческом тексте сказано просто: «... рассуждать о философах...». Слово «своих» добавлено переводчиками. В таком случае это место нужно понимать в смысле сравнения философов языческих (внешних) и христианских (т.е. иноков). Соответственно, поведение внешних философов осуждается, а христианских одобряется.

δεικνύντες, καὶ ῥόπαλα τῇ δεξιᾷ φέροντες, длинную бороду, и носят в правой
οἱ τῶν ἔξωθεν φιλόσοφοι, τὰ κυνικὰ руке палку, - **языческие философы,**
καθάρματα... (PG 49, col. 173, l. 57 - 59). — эти презренные циники...» (Беседа
XVII. ПСТ т. 2, кн. 1. С. 194).

Текст дает возможность понять, что имел в виду Иоанн. Οἱ ἔξωθεν — это «внешние», а не собственно «языческие». А «внешние» предполагает наличие «внутренних».

Итак, по материалу исследуемых гомилий отношение Златоуста к философии может быть охарактеризовано следующим образом:

1. Среди «внешних» философов он критикует представителей кинического направления, но не сократиков и не стоиков³⁹;

2. среди своих современников он называет философами иноков, и, таким образом, христианская аскеза должна отождествляться у него с понятием практической философии⁴⁰;

3. учение сократических школ, сократическая этика и теоретические воззрения стои не вызывают у него отторжения: он не критикует, но молчаливо принимает их;

4. в отрицательном смысле слово φιλοσοφία встречается в исследуемых гомилиях только с уточнением τῶν ἔξωθεν, т.е. «внешняя философия», или другими заменяющими его словами, а φιλοσοφία сама по себе не имеет этого отрицательного оттенка.

Следовательно, в принципе говорить о философских взглядах Златоуста возможно, однако с определенными ограничениями: он не разрабатывает своей философской системы, а ученически воспринимает определенные положения философии стои. Точно также и Марк Туллий Цицерон не разработал своей философской системы, но дал возможность римлянам Поздней Республики ознакомиться с философскими системами греков, и в их числе — с ранней и средней стоей⁴¹. О философской системе Цицерона говорить нельзя, а о философских взглядах можно.

³⁹ Это положение противоречит выводам Рудольфа Брендле, сделанным на материале похвального «Слова о блаженном Вавиле...». Думаем, что это различие происходит из различия жанров, к которым относится Похвальное слово и Гомилии о статуях: в гомилиях совещательного характера оратор использовал понятия, которыми действительно жили его слушатели и которые вызвали ответную реакцию. Если бы он начал нападать на стоиков и сократиков, он не добился бы ничего.

⁴⁰ Ссылаясь на исследование Малингрей, Новак замечает, что у Златоуста христианин - это философ, а философия - это не спекулятивное научное исследование, не философия в том смысле, какой ей придавали платоники или перипатетики (т.е. теория), а искусство практической жизни, усилие, направленное к добродетели и совершенству, а христианство - это истинная философия, причем не как система учений, а как образ жизни и аскеза (Nowak. Op.cit., p. 71). А.И. Сидоров во вступительной статье к изданию аскетических и богословских трактатов аввы Евагрия Понтийского (Творения аввы Евагрия: аскетические и богословские трактаты. - М.: Мартис, 1994) приводит характеристику, данную ему историком Сократом: Евагрий, «будучи прежде философом только на словах», после того как стал учеником двух преп. Макариев..., «стяжал философию и через дела» (с. 5). Из этой характеристики тоже очевидно понимание христианской аскезы как практической философии.

⁴¹ См. Асмус В.Ф. Ук. соч., с. 368-370.

Верификация выводов современных исследователей по материалу Гомилий о статуях

В стоической традиции философия делилась на три части — логику, физику и этику, причем важнейшей считалась этика, а логика и физика являлись пропедевтическими дисциплинами по отношению к ней. Такое деление было обусловлено тройственным проявлением логоса в сферах познания, мироустроения и целеполагания⁴². Именно в этой последовательности мы рассмотрим использование понятий стои в проповеди Златоуста. Безусловно, сразу можно сказать, что и по количеству, и по очевидности стоического влияния в гомилиях больше всего примеров, относящихся к области этики, что согласуется и с выводами исследований Эммануэля Аманд де Мендьета и Эдварда Новак. В исследовании последнего, впрочем, отмечалось наличие в произведениях Златоуста элементов, которые можно отнести также и к области логики и физики, но тем не менее очевидна их связь с этикой и служебное положение по отношению к ней. Это, впрочем, характерно для всей поздней стои, в частности для Эпиктета⁴³, и не является нововведением Златоуста.

Приводимая далее сводка примеров носит поневоле иллюстративный характер, она составлена с целью проверки положений, высказанных в рассмотренных выше работах современных исследователей.

Логика

О логике стои в произведениях Златоуста писал Эдвард Новак, однако не специально, а исследуя проблему свободы воли, относящуюся, собственно, к этике.

«Целостность суждения подвергается опасности со стороны страстей. Под их воздействием возникают ошибки, ложные мнения, безосновательные суждения... Они подвергают опасности способность людей к суждению»⁴⁴.

Беседа четвертая, произнесенная после отъезда епископа Флавиана в Константинополь, открывается благодарением Богу за то, что улеглось облако печали и слушатели стали способны к восприятию поучения:

Εὐλογητὸς ὁ Θεὸς, ὁ παρακαλέσας τὰς ὀδυνωμένας ὑμῶν ψυχὰς, ὁ στηρίζας δονουμένας ὑμῶν τὰς διανοίας· ὅτι γὰρ ἰκανὴν ἐδέξασθε παράκλησιν, διὰ τῆς σπουδῆς ταύτης ἐδείξατε, καὶ διὰ τῆς περὶ τὴν ἀκρόασιν προθυμίας. Οὐ γὰρ ἔστι ψυχὴν ὀδυνωμένην καὶ νέφει κατεχομένην ἀθυμίας δυνηθῆναι μετὰ προθυμίας

Благословен Бог, утешивший ваши скорбящие души, успокоивший ваши мятущиеся мысли! А что вы получили достаточное утешение, это показали вы своим усердием и ревностью к слушанию, потому что душа скорбящая и объятая облаком печали не

⁴² Фрагменты ранних стоиков. Т. 1: Зенон и его ученики / пер. и коммент. А.А. Столярова. М.: «ГЛК Ю.А. Шичалина», 1998. С. 21-22, комментарий к фрагменту 45.

⁴³ The Philosophy of Epictetus // The Discourses of Epictetus with the Encheiridion and Fragments / transl. of George Long. Vol. I. London: George Bell and sons, 1891. P. XXX - XXXI.

⁴⁴ См. Nowak E. Op.cit., p. 65.

ἀκοῦσαί τι τῶν λεγομένων (PG 49, col. 59, l. 15 - 21).

может с охотою слушать наставлений... (ПСТ, т.2, кн. 1, с. 58).

Здесь налицо особое внимание проповедника к вопросам гносеологии. Ср. в беседе XV:

... καθάπερ τῷ στρουθίῳ ὄφελος οὐδὲν τῶν πτερῶν ὑπὸ τῆς παγίδος ἀλόντι, ἀλλ' εἰκὴ καὶ μάτην πτερύσσεται· οὕτω καὶ σοὶ τῶν λογισμῶν οὐδὲν ὄφελος, ἐὰν κατὰ κράτος ὑπὸ τῆς πονηρᾶς ἐπιθυμίας ἀλῶς, ἀλλ' ὅσα ἂν σκιρτήσης, ἐάλως. Διὰ τοῦτο πτερὰ τοῖς στρουθίοις, ἵνα ἐκφύγη τὰς παγίδας· διὰ τοῦτο λογισμοὶ τοῖς ἀνθρώποις, ἵνα ἐκφύγωσι τὰ ἀμαρτήματα (PG 14, col. 157, l. 34 - 40).

«... как птичке, попавшей в сеть, нет пользы от крыльев, и напрасно и тщетно бьет она ими; так и тебе нет пользы от разума, если ты попал под власть злой похоти: сколько бы ты ни бился, ты — в плену. Для того крылья у птиц, чтобы избегать сетей; для того у людей разум, чтобы избегать грехов» (ПСТ, т.2, кн. 1, с.174).

Физика

В своем исследовании Эдвард Новак касается как вопросов логики, так и вопросов онтологии, однако тоже не специально, а в связи с рассмотрением этических проблем: «Мысль Иоанна, отрицая онтологическое бытие зла в форме реального существования, переносит вопрос о его возникновении в моральный план, рассматривая его как качественную характеристику действия»⁴⁵.

Разбирая в беседе X вопросы об устройстве мироздания и о божественном управлении миром, Златоуст в частности замечает:

... οὐχ ἡ τῶν στοιχείων φύσις, ἀλλὰ τὸ πρόσταγμα αὐτοῦ πάντα ποιεῖ, αὐτὰ τε τὰ στοιχεῖα οὐκ ὄντα παρήγαγε... (PG 49, col. 116, l. 49 - 51).

«... не сами стихии, но повеление Божие творит все, ...и самые стихии оно же вызвало из небытия...» (ПСТ, т. 2, кн. 1, с. 127).

Повеление Божие здесь, однако, не имманентно стихиям, как в стое, но сообщает им движение и жизнь, извне воздействуя на них: в этом можно видеть ту модификацию стои, о которой пишет Рудольф Брендле. Однако же другого источника бытия не существует, и стихии созданы именно из небытия: следовательно сохраняется основной принцип монизма.

Этика

Вопросы стоической этики освещены в рассмотренных нами работах лучше всего.

⁴⁵ См. Nowak E. Op.cit., p. 82.

Э. Аманд де Мендьета, рассматривая на примере трактата «Quod nemo laeditur nisi a se ipso» (PG 52, col.459-480) = «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может» (ПСТ. Т.3, кн.2, с.475-496) вопрос о том, в чем для Златоуста заключается истинное благо человека, утверждает, что это — знание истинного учения и правильное поведение в жизни (р. 361-362). Чуть ранее (р. 360) он перечисляет всевозможные несчастья, которые обыкновенно признаются злом, но на самом деле не могут повредить человеку. «Здесь мы находим, — пишет он, — стоическую теорию ложных представлений»⁴⁶. За этой теорией стоит стоическая классификация вещей на на полезные, вредные и нейтральные. О такой классификации пишет и Эдвард Новак: «...первый шаг, к которому он [Иоанн] призывает слушателей — это разделение вещей на «полезные», «вредные» и «нейтральные»⁴⁷.

В беседе XVII о статуях Иоанн утешает жителей Антиохии в том, что у города в результате восстания были отняты его преимущества. При этом он показывает весьма относительную ценность тех вещей, которые обыкновенно признаются полезными (по стоической классификации нейтральных, но кажущихся полезными), и абсолютную ценность добродетели и благочестия (по стоической классификации действительно полезных вещей) :

... Οὐ τὸ μητρόπολιν εἶναι, οὐδὲ τὸ μέγεθος ἔχειν καὶ κάλλος οἰκοδομημάτων, οὐδὲ τὸ πολλοὺς κίονας, καὶ στοὰς εὐρείας καὶ περιπάτους, οὐδὲ τὸ πρὸ τῶν ἄλλων ἀναγορεύεσθαι πόλεων, ἀλλ' ἢ τῶν ἐνοικούντων ἀρετὴ καὶ εὐσέβεια, τοῦτο καὶ ἀξίωμα καὶ κόσμος καὶ ἀσφάλεια πόλεως... (PG 49, col. 176, l. 32 - 37).

«...не в том, чтобы быть главным городом, или иметь великие и красивые здания, или многочисленные колонны, обширные портики и места для прогулок, и не в том, чтобы пользоваться большею пред другими городами известностью, но в добродетели и благочестии жителей - вот в чем и преимущество, и красота, и безопасность города...» (ПСТ, т. 2, ч. 1, с. 197).

Точно такое же отношение к традиционно относимым в стое к нейтральным вещам бедности, смерти и т.д. очевидно и в следующем отрывке из беседы IV, в которой Иоанн пытается ободрить жителей Антиохии во время следствия:

... Καὶ ἡμεῖς τοίνυν τὴν ψυχὴν ἀσφαλισώμεθα τὴν ἡμετέραν· κἂν γὰρ ζημία χρημάτων ἐπίη, κἂν θάνατος, τὴν δὲ εὐσέβειαν μηδεὶς ἡμᾶς ἀφέληται, μακαριώτεροι πάντων ἐσμέν... (PG 49, col. 66, l. 28 - 32).

«Укрепим же и мы свою душу, и тогда будем блаженнее всех, хотя бы постигла нас потеря богатства и даже смерть, только бы никто не похитил у нас благочестия...» (ПСТ, т. 2, ч. 1, с. 66).

⁴⁶ Amand de Mendieta E. Op.cit., p. 360.

⁴⁷ Nowak E. Op.cit., p. 67.

Следующий отрывок заставляет вспомнить о том, что в стое отношение к вещам всегда подвергается интеллектуальной коррекции в соответствии с тем, что имеет действительную, а не мнимую цену, а согласованность желаний и устремлений человека с мировым разумом (Логосом) делает его счастливым. В беседе XVIII, рассуждая о смысле поста и настоящей радости, Златоуст говорит:

Ὅπερ γὰρ αἰεὶ λέγω, οὐχ ἡ τῶν πραγμάτων φύσις, ἀλλ' ἡ διάνοια ἡ ἡμετέρα λυπεῖν ἡμᾶς εἴωθε καὶ εὐφραίνειν. Ἐν τοίνυν ταύτην κατασκευάσωμεν, οἷαν εἶναι χρῆ, πάσης εὐθυμίας ἐνέχυρον ἔξομεν· καὶ καθάπερ τὸ σῶμα οὐχ οὕτως ἡ τῶν ἀέρων φύσις οὐδὲ αἱ ἔξωθεν προσβολαὶ, ὡς ἡ οἰκεία κατασκευὴ καὶ βλάπτει καὶ ὠφελεῖ, οὕτω καὶ ἐπὶ τῆς ψυχῆς· καὶ πολλῶ πλέον. Ἐνταῦθα μὲν γὰρ φύσεώς ἐστὶν ἀνάγκη, ἐκεῖ δὲ τὸ πᾶν ἐπὶ τῇ **προαιρέσει** κεῖται... (PG 49, col. 186, l. 2 - 11).

«...как я всегда говорю, не свойство вещей, а **мысль наша обыкновенно печалит и радует нас**. Итак, если мы настроим ее, каковою ей быть должно, то будем иметь залог всякого благодушия. Как телу вредит и пользует не столько свойство воздуха и внешние влияния, сколько собственное предрасположение; точно то же самое и с душою, и тем еще более, что там неизбежность природы, а здесь все зависит от **свободной воли...**»(ПСТ, т. 2, ч. 1, с. 208 - 209).

А тот человек, который умеет правильно направить свои желания, свободная воля которого находится в согласии с мировым разумом, который поэтому не терпит неудач (ибо не желает ничего противоречащего Божественной воле), есть человек счастливый. Здесь, собственно, вырисовывается тот стоический идеал мудреца, о котором пишут Э. Аманд де Мендьета и Э. Новак⁴⁸. Оба отмечали, что стоический мудрец (он же — совершенный христианин Златоуста) в принципе морально неуязвим.

В беседе II — яркий пример такого мудреца.

Ἐπὶ τῆς πέτρας ἔστηκεν ὁ πιστὸς, διὰ τοῦτο ταῖς τῶν κυμάτων ἀχείρωτός ἐστι προσβολαῖς. Ἐν γὰρ ἐπαρθῆ τὰ κύματα τῶν πειρασμῶν, οὐκ ἐφικνεῖται τῶν ἐκείνου ποδῶν· οὗτος ὑψηλότερος τῆς ἀπάσης τοιαύτης ἔστηκεν ἐπιβουλής (PG 49, col. 37, l. 35 - 42).

«На скале стоит верный, и потому не доступен ударам волн. Пусть воздымаются волны испытаний: они не достигнут до его ног; он стоит выше всякого такого навета» (ПСТ, т. 2, кн. 1, с. 30)

Однако в стое мудрец неуязвим только нравственно, а у Златоуста — также и физически, и в этом снова обнаруживается модификация стои. См. беседу V, в которой Иоанн разбирает пример Ионы, который, противясь Богу, не мог избежать

⁴⁸ «...быть философом - значит знать истинную цену вещей и уметь соответственно вести себя в жизни»: Nowak E. Op.cit., p. 71.

несчастий, а искупив вину наказанием, оказался в безопасности. По этому поводу Златоуст делает обобщение:

... ὥσπερ τὸν ἐν ἀμαρτίᾳ ζῶντα οὐδὲ πλοῖον ὠφελεῖ, οὕτω τὸν τὴν ἀμαρτίαν ἀποθέμενον οὐδὲ θάλαττα ἀπόλλυσιν, οὐδὲ θηρία διαφθείρει (PG 49, col. 78, l.14 - 16). «... как живущему во грехе не помагают и корабль, так свободного от греха и море не потопляет, и звери не пожирают...» (ПСТ, т. 2, кн. 1, с. 80).

Из этой неувязимости логически следует вывод о том, что мудрецу не может повредить никто. Это — тема специальной статьи Э. Аманд де Мендьета. В гомилиях о статуях тоже неоднократно встречаются высказывания такого плана. См., напр., в беседе XVIII:

Ἄν τοίνυν εὐθυμίας ἐπιθυμῆς, μὴ χρήματα, μὴ σώματος ὑγίειαν, μὴ δόξαν... ἀλλὰ φιλοσοφίαν μέτελθε τὴν κατὰ Θεὸν, καὶ ἀρετῆς ἐπιλαβοῦ· καὶ οὐδέν σε οὐ τῶν ὄντων, οὐ τῶν ἐλπιζομένων λυπήσασαι δυνήσεται· τί λέγω λυπήσασαι; προσθήκη μὲν οὖν ἡδονῆς σοι γενήσεται τὰ τοὺς ἄλλους λυποῦντα· καὶ γὰρ μάστιγες, καὶ θάνατος, καὶ ζημίαι, καὶ κακηγορίαί, καὶ τὸ κακῶς πάσχειν, καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα, ὅταν διὰ τὸν Θεὸν ἡμῖν ἐπάγῃται, καὶ ταύτην ἔχη τὴν ῥίζαν, πολλὴν ἡμῖν εἰς τὴν ψυχὴν εἰσάγει τὴν ἡδονήν.

Οὐδεὶς γὰρ ἡμᾶς ἀθλίους ποιῆσαι δυνήσεται, ἐὰν μὴ ἑαυτοὺς ποιήσωμεν· ὥσπερ οὖν οὐδὲ μακαρίους, ἐὰν μὴ ἑαυτοὺς ἐργασώμεθα, μετὰ τὴν τοῦ Θεοῦ χάριν. (PG 49, col. 186, l. 21 - 38).

«...если желаешь радости, не ищи ни денег, ни телесного здоровья, ни славы..., но устремись к любомудрию по Боге и держись добродетели: тогда ничто ни из настоящего, ни из ожидаемого не сможет опечалить тебя. [Да что говорю «опечалить»? ⁴⁹] То, что других опечаливает, для тебя будет приращением радости. И бичи, и смерть, и потери, и злословия, и обиды, и все подобные бедствия, если только наводятся на нас ради Бога, и этот имеют корень, вносят в нашу душу великую радость.

Никто не сможет сделать нас несчастными, если мы сами не сделаем себя такими; равно как никто не сможет сделать нас и блаженными, если не сделаем себя таковыми мы сами, по благодати Божией» (ПСТ, т. 2, кн. 1, с. 209).

Кроме отмеченного исследователями аспекта стоического учения о том, что мудрецу никто не может причинить вреда, кроме него самого, этот отрывок позволяет говорить и о некоторых других аспектах философских взглядов Иоанна, выходящих за пределы стоического учения, а потому и за пределы нашего доклада. Тем не менее необходимо заметить, что понятие ἡδονή относится к традиционным понятиям эпикурейского учения и обычно переводится как «удовольствие»⁵⁰.

⁴⁹ Необходимая добавка в перевод ПСТ.

⁵⁰ Асмус В.Ф. Ук. соч., с. 324: «... этика Эпикура покоится на положении, что для человека первое и прирожденное благо, начало и конец счастливой жизни, есть удовольствие (ἡδονή)».

И наконец в исследовании Э. Новак был поднят вопрос о свободе воли человека и его ответственности за нравственный выбор. Он различает у Златоуста способность к выбору, данную от природы (волю=βούλησις), и сделанный человеком осознанный выбор (προαίρεσις), причем последний целиком зависит от человека⁵¹. Именно такое значение προαίρεσις имеет и в процитированном нами выше отрывке (Беседа XVIII, PG 49, col. 186, l. 2 - 11 = ПСТ, т. 2, ч. 1, с. 208 - 209).

В статье Рудольфа Брендле из *Reallexikon für Antike und Christentum* приводятся фактические данные о знакомстве Златоуста с эллинистической философией, а именно указаны те места в его произведениях, где по имени или описательно названы известные античные философы. Мы должны признать, что в гомилиях о статуях таких упоминаний нет. Однако содержательный анализ гомилий дает основание говорить о бесспорном влиянии философии стои на мировоззрение Златоуста и о том, что он пользуется понятиями, разработанными в стое в традиционно стоических или немного модифицированных значениях. У него не было особой необходимости говорить об Эпиктете, Сократе, Диогене и др., если он просто мыслит в разработанных ими категориях, точно так же как мыслили и его слушатели. И, объясняя им христианское учение, он прибегал к этим понятиям как к чему-то совершенно известному и общепринятому, как к тому основанию, на котором можно строить дальнейшее обучение.

Подмеченная Рудольфом Брендле зависимость Златоуста от этики поздней стои очевидна, но вряд ли стоит говорить здесь только о социальной этике, а не об этике вообще. Введенное Брендле понятие модификации стоических понятий представляется нам плодотворным. Оно хорошо объясняет отмеченное выше сочетание стоического монизма и христианского представления о сотворении мира из ничего (Беседа X, PG 49, col. 116, l. 49 - 51 = ПСТ, т. 2, кн. 1, с. 127), а также понятие о не только нравственной, но и физической неуязвимости мудреца в представлении Златоуста (Беседа V, PG 49, col. 78, l. 14 - 16 = ПСТ, т. 2, кн. 1, с. 80).

О степени влияния стои на мировоззрение Златоуста может свидетельствовать также и тот факт, что в Беседах о статуях, которые в ПСТ занимают 245 страниц (с. 5 - 250) сходные со стоей идеи встречаются, по моей оценке, 157 раз, т.е. почти на каждой странице. Но интереснее свидетельство самого Златоуста, который в беседе XVIII, перед изложением очередной чисто стоической идеи, заявляет: « Ὅπερ γὰρ ἀεὶ λέγω... » — «как я всегда говорю...» (PG 49, col. 186, l. 2 - 3; ПСТ, т. 2, ч. 1, с. 208). Т.е., собственно, Златоуст сам признает свою зависимость от философии Стои.

Некоторые итоги

Текст Гомилий о статуях, представляющих собой образец позднеантичного совещательного красноречия, позволяет говорить о том, что в проповеди Златоуста, в экстремальной ситуации обращенной к антиохийскому народу, весьма су-

⁵¹ Nowak E. Op.cit., p. 61.

ственное место заняла этическая философия стои. Будучи представителем второй софистики, т.е. риторического течения, стремившегося к сочетанию философии и риторики в деятельности оратора, он оказался гораздо ближе Диону Хризостому, на деле соединившему в своей жизни и деятельности риторику и философию, чем своим современникам, у которых это соединение было только формальным. Будучи учеником Либания, который сам принимал участие в политической жизни и высоко ценил политическое красноречие, Златоуст стремился к политической действенности своих речей и использовал для этого те средства, которые были к этому пригодны. Широко распространенная в массах, ставшая органичным элементом позднеантичного мышления философия стои наилучшим образом подходила для этой цели. Златоуст не упоминает имен стоических философов: он основывает свою проповедь на этических положениях стои, опираясь на эти положения он доводит до сознания слушателей понятия христианского учения. Чтобы быть понятым, он должен был говорить этим языком. При необходимости он совершенствует этот язык, расширяет и модифицирует, по удачному выражению Рудольфа Брендле, уже разработанные в стое понятия. Сводится ли его проповедь только к христианизированной стое? Если в таком виде она может быть воспринята слушателями, это уже большое достижение проповедника, поскольку стоическая этика поднимает планку так высоко, что человеческими усилиями удовлетворить ее требованиям вряд ли возможно⁵². Однако, философское содержание проповеди Златоуста, во-первых, не сводится к одной стое, и анализ остальных его элементов — задача будущего. Во вторых, втиснуть божественное Откровение в понятийные рамки какой бы то ни было философской школы просто невозможно, да и не нужно. Собственно, в сложившейся ситуации перед Златоустом стояла конкретная задача: объяснить антиохийским христианам, как они в сложившейся обстановке как христиане должны себя вести, и не только объяснить, но и убедить в необходимости на деле следовать этому. При помощи этики стои он выполнил свою задачу.

Но, оперируя философскими понятиями, он ясно высказал свое положительное отношение к философии как таковой, к инокам, осуществившим в жизни практическую философию, и отрицательное — к тем философам, жизнь которых не соответствует их учению.

Применяя в своей проповеди понятийный аппарат стои, он не ограничивается только этикой, хотя этот раздел стои представлен в его проповедях богаче всего, но использует понятия, разработанные физикой и логикой стои. В работе Э. Новак есть упоминание об этом, но лишь попутно в связи с этикой. Поэтому мы сочли необходимым особо подчеркнуть тот факт, что стоическое влияние на Златоуста этикой не ограничено.

Все выше сказанное позволяет, наконец, говорить об органичном включении творчества Иоанна Златоуста в систему позднеантичной культуры, о ее нерасчле-

⁵² Даже Эпиктет не находил среди своих современников настоящих стойков: «... но покажите мне стойка, если можете хоть кого-то. Где это видно или как? А таких, которые толкуют о стоических рассуждениях, вы можете показать тьму». См. Беседы Эпиктета. М., 1997. С. 134.

нимом единстве, о невозможности полноценного изучения любого культурно-исторического факта вне контекста эпохи, вне стадийных связей вообще.

В завершение приведем небольшую цитату из Нравственных писем к Луцилию Сенеки.

...hoc preme, hoc onera, relictis «Донимай их (слушателей), жми, ambiguitatibus et syllogismis et cavillationibus et ceteris acuminis inriti тесни, отбросив всяческие умозрения, и ludicris. Dic in avaritiam, dic in luxuriam; cum profecisse te videris et animos тонкости, и прочие забавы бесполезного умствования. Говори против алчности, говори против роскоши, а когда покажется, audientium adfeceris, insta vehementius... (Letter 108, section 12, l. 4 - 8)⁵³. что польза есть, что души слушателей затронуты, наседай еще сильнее».⁵⁴

Можно подумать, что в своей проповеднической деятельности Златоуст следовал этому наставлению.

⁵³ Seneca. Collected Works in ten volumes. Vol. VI: Ad Lucilium Epistulae Morales. London, 1971. (Loeb Classical Library). P. 236.

⁵⁴ Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / пер. с лат. С. Ошерова. М.: Художественная литература, 1986. С. 16.